

**Сражались ★
за Родину**

СЕРГЕЙ ★
МИХЕЕНКОВ

**ПРИМКНУТЬ
ШТЫКИ!**

МОСКВА
2023

ЯУЗА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Художник Игорь Варавин

Михеенков, Сергей Егорович.

М69   Примкнуть штыки! / Сергей Михеенков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2023. — 480 с. — (Сражались за Родину).

ISBN 978-5-04-181423-6

Немецкие планы молниеносной войны против СССР были сорваны Московской битвой. Впервые немецкая военная машина забуксовала на Восточном фронте осенью 1941 г.

В октябре 1941 г. немцы прорвали линию фронта и рвались к Москве. До столичных окраин остаются считанные километры, когда командование решило ввести в бой отряды, сформированные из курсантов подольских пехотного и артиллерийского училищ. Десять осенних дней подольские курсанты держали оборону, ожидая подхода подкреплений, выигрывая время ценой собственных жизней, спасая Москву...

Лейтенант Братов и курсанты ожесточенно обороняются, сержант Воронцов, бойцы Алехин и Смирнов ловят немецких диверсантов, но у курсантов заканчиваются патроны. В ротах осталось по десятку бойцов. Немецкие цепи подбираются на бросок гранаты. И тогда командиры дают последний приказ: «Примкнуть штыки!»...

В этой книге нет вымысла, многие герои — реально существовавшие люди, их подвиги в поздний листопад — история Великой Отечественной войны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181423-6

© **Михеенков С.Е., 2023**
© **ООО «Издательство Эксмо», 2023**
© **ООО «Издательство Яуза», 2023**

*Чем меньше войска, тем больше
храбрых.*

А.В. Суворов

*Высшей формой милосердия на
войне является жестокость.*

Мольтке

Эта история не придумана автором¹.

И та доля художественного вымысла, продиктованная необходимостью жанра, нисколько не уменьшает страданий реально существовавших людей в реальных обстоятельствах.

И эту книгу я написал только потому, что не нашел ни на плитах братских могил от Юхнова до Подольска, ни в архивных наградных списках отличившихся, ни в приказе о присвоении первого офицерского звания имен тех, кто остался в живых.

---

¹ Первая публикация: ПОЗДНИЙ ЛИСТОПАД. Главы из романа (1–5). Сб. Калужские рубежи. — Калуга, Золотая аллея, 2003. Затем: журнал «Москва», № 5, 6, 7. 2008.

Глава первая

ПРИКАЗ № 257

Рота курсантов пехотно-пулеметного училища, усиленная сводным дивизионом артиллерийского училища, вечером 5 октября 1941 г. на грузовиках, спешно собранных по всему Подольску, перебрасывалась на запад от Москвы.

Их подняли по тревоге, отменив воскресные увольнения и встречи с родными. В пехотном училище подняли 6-ю роту. В артиллерийском из добровольцев и наиболее опытных офицеров сформировали сводный усиленный дивизион. Все это невеликое воинство, вооруженное винтовками, несколькими пулеметами, а также 45-мм и 76-мм орудиями, и составило передовой отряд подольских училищ. В событиях, которые впоследствии войдут в историю Второй мировой войны под названием «Битва за Москву», передовому отряду отводилась особая роль: эти 250 человек становились боевым охранением курсантских батальонов, которые через день-два тоже будут выдвинуты вперед, в окопы Можайской линии обороны в район Малоярославца.

Колонну возглавляла неуклюжая бронемашина, оснащенная пулеметом. В броневике рядом с водителем сидел старший лейтенант Мамчич¹, командир 6-й

---

¹ Мамчич Леонтий Акимович — старший лейтенант РККА, командир 6-й роты Подольского пехотно-пулеметного училища. Возглавлял колонну передового отряда и фактически командовал курсантской группой сводного отряда на реке Извери в районе деревни Воронки. Ранен и контужен. За геро-

роты, назначенный командиром передового отряда. Никто пока не знал, что произошло в 150 километрах от Москвы в районе Юхнова и Мосальска. Точных разведанных не было. Вернее, точным данным разведки в штабах попросту отказывались верить, потому что они были катастрофически неправдоподобными и означали буквально следующее: немцы прорвали линию обороны Центрального и Резервного фронтов и форсированным маршем движутся к Москве, уже не встречая на своем пути никаких войск, способных остановить их, а это значит, что через сутки-другие авангарды моторизованных колонн фон Бока ворвутся в столицу.

Не знал, что там, впереди, ждет его роту и его самого, и старший лейтенант Мамчич. Один из офицеров сказал ему перед отправкой: «Говорят, фронт прорван на всю глубину. Наши бегут. Похоже, боеспособных войск там уже нет. Так что, Леонтий Акимович, вы, надеюсь, понимаете, куда вас направляют...»

То, куда их направляют, Мамчич знал. Во всяком случае, географически. Сочувствующий тон сослуживца его покоробил, но одновременно и насторожил.

Теперь он точно знал свою задачу и то, что его 6-я рота выполнит ее. Выполнит или умрет. Он знал, почему их так спешно выдвигают и ради чего предстоит умереть. Не сегодня завтра сводный полк двух училищ, пехотно-пулеметного и артиллерийского, три тысячи курсантов и преподавателей, займет позиции Малоярославецкого укрепрайона, примыкающего к Можайскому УРу. А пока левый фланг линии укреплений был пуст. Никаких войск там не было и быть не могло. Все дивизии и отдельные части ушли к Рославлю и Вязьме. Что там с ними произошло, никто пока сказать не мог.

Не оказалось в это время никаких войск и в самой Москве. Случилось так, что в те дни Ставка располагала

изм и мужество, проявленные в октябрьских боях, награжден орденом Красной Звезды.

только одним боеспособным резервом — подольскими курсантами.

Но и этого старший лейтенант Мамчич не знал, хотя офицеры и преподаватели осторожно, в узком кругу, поговаривали именно о том, что, если случится наихудшее и фронты, слишком плотно придвинутые друг к другу, рухнут, Москву закрывать будет уже нечем и некем. Кроме них. Они на Варшавском шоссе — последние.

И вот подняли их, курсантов и преподавателей. Значит, произошло то, чего опасались больше всего.

Не знал старший лейтенант и надежности артиллеристов. Только однажды удалось посмотреть, как они, их соседи, действуют в поле. Дело было на полигоне. Артиллеристы стреляли по макетам танков. Стреляли хорошо, точно. Но там будут настоящие танки, которые тоже стреляют снарядами. Говорят, в немецких танках очень точные прицелы, а экипажи имеют большой боевой опыт. Одно дело пулять по фанерным макетам на знакомом полигоне, другое — в бою. Каких стрелков придали его роте сейчас, он тоже не знал.

Старший лейтенант знал только свою 6-ю роту. Надежность командиров взводов, сержантов и курсантов.

Хорошо, что загрузили много ручных гранат, подумал он с некоторым удовлетворением. Но черт бы их подрал, этих хозяйственников, нигде не смогли найти для их роты хотя бы старенькую, хотя бы какую-нибудь списанную, без колес, походную кухню. Артиллеристы тоже прибыли без котла, с сухпайком. И вдруг старшего лейтенанта стегнула запоздалая догадка: если не дали кухню, значит, это их выдвижение вперед попросту обречено и в выполнение ими приказа остановить немцев на шоссе не верят даже те, кто отдавал этот приказ. Вот и пожалели походную кухню, чтобы не пропала зря... Перед глазами старшего лейтенанта всплыло непроницаемое лицо майора Романова¹. Сколько им предстоит

---

¹ Майор С.А. Романов на момент выдвижения сводного передового курсантского отряда в район Мятлева, Воронков и реки Изверы исполнял должность начальника Подольского пехотно-

держаться там, на шоссе? Сутки? Двое? Что ж, и на двое суток сухой паек растянуть можно. Приказ о сроках прозвучал расплывчато и невнятно: остановить немецкую колонну и держаться... Значит, главное — остановить. Видимо, по расчетам командования, *остановить* означает наивысшую степень возможностей его роты, пусть даже усиленной артиллеристами.

Старший лейтенант Мамчич понял и другое: этими своими мыслями, догадками и предположениями, насколько бы близкими к истине они ни могли оказаться, делиться ни с кем нельзя. Ни в коем случае.

В полночь голова колонны втянулась в Малоярославец и остановилась. Старший лейтенант Мамчич выскочил из бронемашины и, разбрасывая длинные полы офицерской шинели и поблескивая высокими голенищами тщательно начищенных сапог, побежал вдоль вереницы грузовиков. Водители некоторых машин были из гражданских, мобилизованных в минувшую ночь, но порядок движения в колонне знали и сразу же подчинились общей дисциплине. И теперь, пробегая мимо машин, старший лейтенант с удовлетворением отметил, что пока все идет так, как надо.

Из темноты, которая, казалось, навалилась на окрестность еще тяжелее, когда машины выключили свет и заглушили двигатели, навстречу командиру роты вышли несколько человек. Скользнул узкий луч карманного фонарика, облизал полы кожаного реглана, пыльную обочину шоссе. И сержант Воронцов, сидевший в ближнем грузовике, услышал краткий и четкий, как на плацу, когда появлялся вдруг начальник училища, доклад ротного. Он сразу понял, что человек в кожаном реглане и стоявшие рядом с ним какие-то большие начальники, что они давно ждали прибытия их колонны и что

пулеметного училища. Впоследствии он будет командовать 2-м курсантским батальоном Ильинского рубежа обороны. Под его командованием 2-й батальон отличится во время отражения атак немецких танков и пехоты 13 октября 1941 г.

именно от них сейчас зависит судьба и 6-й роты, и артиллеристов.

— Обстановка крайне напряженная. Учтите — крайне напряженная, — говорил незнакомый дребезжащий усталый голос, совершенно не похожий на командирский, видимо, «кожаный реглан». — Вам, наверное, еще в Подольске сказали, что немцы уже в Юхнове. В районе населенного пункта Палатки они приступили к наведению понтонного моста и, возможно, уже переправляются на левый берег Угры. В составе колонны, которая остановилась в Юхнове и окрестностях, танки и артиллерия. Впереди идут саперные части. Мотоциклисты. Ваша задача несколько изменилась и в настоящее время такова: следуйте по шоссе до реки Изверь... Давайте уточним по карте. Это километров... Там группа Старчака... Ждут... Предупреждены. Держатся.

— Кто еще впереди нас? Какие войска? — спросил ротный.

— Войска... — голос в темноте стал резче, раздраженнее. — Какие, к черту, войска! Вы, старший лейтенант, и есть все наши войска! Последний резерв...

— Ясно, — тихо, подавленным голосом ответил Мамчич.

И на какое-то время там, в темноте, наступила тишина.

— Так что впереди, кроме Старчака и его людей, на настоящее время, видимо, никого уже не осталось, — теперь «кожаный реглан» говорил уже спокойнее. — Была еще одна группа. Возглавлял ее полковой комиссар Жабенко. Она почти полностью погибла. Остатки прибились к Старчаку. У Старчака около двух или трех рот. С ним ребята из Юхновского истребительного отряда. Комсомольцы. Люди все храбрые, но плохо обученные, опыта боев не имеет практически никто. Кроме, повторяю, людей Старчака. У него пограничники, десантники. Ребята боевые, но обучены другой работе. В тактическом бою, в полевых условиях могут дрогнуть и позиций не удержать. Их там человек триста.

— Да, негусто.

— Негусто, старший лейтенант. Потому на ваших молодцов вся надежда. Постарайтесь продержаться. Три дня. Хотя бы три дня.

Значит, три дня. Уже три. Мамчич почувствовал, как холодом, словно изморозью, прокололо шинель на спине. Значит, сухой паек придется растягивать. И с боеприпасами решить. Чтобы подбросили сегодня же.

— Да, вот еще что, товарищ Мамчич, — ткнул в темноту пальцем «кожаный реглан», — по дороге и вдоль шоссе движутся группы выходящих из окружения наших бойцов. Постарайтесь не вступать с ними в контакт.

— А почему Старчак не переподчиняет их себе?

«Кожаный реглан» ответил не сразу.

— Кого там переподчинять? Увидите. Идут в мокрых штанах. Без винтовок. Где побросали, не помнят. Драп. Это, старший лейтенант, драп. Думаю, скоро сами увидите и все поймете. К тому же под видом наших бойцов могут просачиваться одиночки и целые группы диверсантов. Действуют нагло и дерзко. Хорошо владеют русским языком. Будьте начеку. Всех выходящих, повторяю, препровожайте в тыл, на сборный пункт.

— Где ближайший сборный пункт?

— В Медыни. Был в Медыни. Где сейчас, не могу сказать. Да это и не ваше дело. Гоните в тыл, пусть идут вдоль шоссе, на восток. А здесь уже ими займутся соответствующие службы. Так что давай, старший лейтенант, поторапливайся. Десантники держатся из последних сил. Берегите орудия. Людей, пополнение, еще пришлем. Боеприпасы тоже. Сегодня же подбросим, сколько сможем. А орудий больше не будет. И людей тоже постарайся сберечь, старший лейтенант. Знай, что в бой поведешь не просто курсантов, а завтрашних офицеров и политработников. Они еще понадобятся Красной армии.

Мамчич козырнул, в темноте сверкнула его бледная ладонь. Но «кожаный реглан» его задержал еще на минуту:

— Связь с группой Старчака ненадежная. Сведения поступали и поступают самые противоречивые. То они там, то там. Возможно, пока вы в пути, там, на Извери,

могли произойти или еще могут произойти серьезные изменения. Но днем он прочно держался на Извери. Просил подкрепления. Так что поторапливайтесь. Вперед вышлите боевое охранение.

— Слушаюсь.

Снова взвыли моторы, заскрежетали коробки передач, захлопали дверцы. Приглушенный, крадущийся свет фар. Приглушенные голоса. Слова редкие, отчетливые — о самом главном. Кругом темень, непроглядная, густая, так что силишься что-нибудь разглядеть, а ничего не выходит, глаза будто детгем замазаны. От напряжения сдавливает лоб и пересыхает в горле. Тьма крошечная. И только впереди, на западе и севернее, в стороне от шоссе, полыхали резкие тусклые зарницы и зловеще трепетали над неподвижным, испуганным лесом. Там погромыхивало, будто по полю катали огромные валуны, которые иногда сталкивались, с треском и гулом крошили и раскалывали друг друга, при этом порождая сполохи огня.

Воронцов приподнял край брезентового тента и смотрел в поле, стараясь приучить глаза к темноте и пространству. Яркие спокойные звезды стояли над землей, обещая на завтра ясное утро и погожий день. Все эти дни волгая, промозгая хмарь придавливала землю, наскакивал мелкий дождь, подгоняемый ветром. Потускнели деревья, еще не сбросившие остатки своих обносившихся разноцветных одежд. Почернели штакетники и крыши домов. Глухие заборы пригорода стали походить на угрюмые неприступные крепости. И, видимо, уютно, спокойно было жить за этими крепостями, куда, казалось, ни ветер не задувал, ни дождь забредать не осмеливался, ни плохие вести не приходили. Осень погружалась в свою заповедную глубину, в глушь, за которой уже не могло быть ничего, кроме тишины и оцепенения в ожидании снега. Так старая, добросовестно отработавшая свое последнее лето, брошенная лодка медленно погружается в воду, будто вращая в нее обреченными бортами и кормой. А вчера вдруг потеплело, подобрало капли с проводов и придорожных ку-

стов, высушило крыши. Воронцов любил эту пору. Весна в его родном краю была, конечно же, ярче, радостней, звонче. Но ему больше нравилась осень. Ранняя, когда еще не очень холодно. Вот такая, как теперь. Когда уже понятно, что лето прошло, но настоящие холода еще за морями, за лесами, за синими долами, и после школы можно успеть сходить в лес.

В лес... После школы... День хоть и короче летнего, но все еще велик.

Когда это было? И было ли когда?..

В Подлесном, в его родном селе, в это время всегда перепаживали огороды, жгли картофельную ботву, так что дымом заволакивало всю округу и кострами пахло даже в домах. В золе, в рыхлой, шуршащей лаве прогоревших костров пекли картошку. Любимая осенняя детская забава. Потом разламывали обугленные коконы кожуры и ели белую крупяную мякоть, задыхаясь от горячего, пахучего, необыкновенно вкусного аромата. Каждый из них съедал за вечер и пять, и десять картофеля, и, казалось, наестся было невозможно. Нежным густым изумрудом зеленела отава на облогах и вдоль стежек. Хотелось козлом припустить по облоге, а потом упасть и лежать в мягкой зелени. Проселочные дороги в полях, которые убегали из Подлесного на три стороны и исчезали, истончаясь на горизонте в прозрачные невидимые паутинки, к этой поре уже теряли летнюю белизну. Выбеливал их зной и тележные колеса. Дожди и обильные росы делали их черными, и они уже не пылили ни под копытами, ни под колесами, ни под ногами пешеходов и не утомляли так, как утомляет дальняя дорога в летний полдень. Дед Евсей вставлял вторые рамы. Сестры мыли стекла содой, протирали насухо, подавали деду, а потом конопатили щели тонкой, как шелк, как их светло-русые волосы, паклей, заклеивали пазы лентами, нарезанными из старых газет. Уже начинали через вечер подтапливать вторую печь в белой горнице. А он на ранках или после школы ходил с ребятами в лес за волнушками и подореховками. Переходили через Ветьму по шатким ольховым кла-

дям, углублялись в сосенник, а там уже не торопились, потому что волнушки, грузди и подорешовки росли повсюду и их хватало на всю ватагу. Воронцову особенно нравилось собирать волнушки. Они и солеными были хороши. Зимой, с вареной картошкой... А в сосеннике розовые и белые их шляпки, обметанные скользкими сопливыми волосками, тут и там высывались из моха, из осыпи сосновых иголок, хрустели под ногами, стоило лишь сделать неверный шаг. Теперь там тоже, видимо, траншеи... Всюду нарыли... Старшая из сестер, Варя, месяц назад, когда письма из дома все еще приходили, писала: в Подлесное и окрестные деревни нагнали студентов из Москвы — копают противотанковые рвы. От Малоярославца, если по Варшавке, до березы, возле которой поворотка и где начинается проселок на райцентр, километров около 200. От той придорожной березы и поворотки до Подлесного всего-то ничего, километров, может, 30. Так что 230 или 250. От Подольска чуть больше. Но и Подольск, и Малоярославец уже остались позади. Впереди была река Изверь. От Извери — меньше. От Юхнова — совсем недалеко. Изверь... Где-то там они и должны остановиться. Остановиться и стоять.

Воронцов вздохнул. Мысли о родине и сестрах не успокоили его.

Яркие звезды обещали ведро. И вроде бы уже стало свежеть, подтягивать и подсушивать обочины дороги. Запахло дорогой. Тусклые снопы света от грузовика, идущего следом за их машиной, закручивало желтыми жгутами пыли.

Воронцов поднял голову, искал взглядом знакомое с детства созвездие. Стожары, словно присыпанные известкой мелких соседних звезд, неподвижно стояли на прежнем месте, окруженные вечностью и тишиной. Точно так же оно сияло и над его селом. Звезды, яркие и еще по-летнему теплые, качались над дорогой и незнакомой местностью, будто указывая им, брошенным в неизвестность, роковой путь. Но там, впереди, за километрами дороги, в толще ночной мглы, был и дом Воронцова. И ехать в сторону дома ему было не страшно.

Там было все знакомое, родное. И начало этому родному — старая береза возле шоссе, под которой он с ребятами не раз жег костер в ожидании попутки до Юхнова. От березы до Подлесного, до сосенника, где с ребятами в такую пору он собирал волнушки, добежать по такому холодку ничего не стоит. С закрытыми глазами добежал бы за пару-тройку часов...

Передовой отряд должен занять оборону на Извери. Так что до родных мест сержанта Воронцова колонна не дойдет. Не доедет их грузовик до той приметной его березы у шоссе. И приказа такого нет. И враг уже там, и к родному дому в Подлесное его, Саньку Воронцова, уже не пустит. Враг уже захватил его родину и считает завоеванной, а значит, своей. Но как это может быть? Как ему теперь жить без родины? Воронцов уже пробовал утешить себя мыслью о том, что родина — это гораздо больше, чем его село и его семья, что родина, как им постоянно внушали на политчасах в училище, это прежде всего столица государства, Москва. Теперь бы и ему легче было поверить, что так оно и есть, что правы отцы-командиры и их комсорг. Но именно теперь, когда Подлесное оказалось в оккупированной зоне, отказаться от своей родины — все равно что отказаться от родителей. Так что ничего, никакого утешения не получалось.

На Извери их ждет какой-то отряд, в который они должны влиться и образовать некую единую силу, способную выполнить поставленную командованием задачу. Так сказал «кожаный реглан» ротному. Туда, на запад, на Изверь, ехала их 6-я курсантская рота, сводный дивизион артиллерийского училища, командиры, товарищи, многих из которых он знал с самого первого дня в училище, еще с карантина. Они везли в грузовиках укутанные брезентом пулеметы, коробки и ящики с патронами, гранатами, минами и взрывчаткой, артиллерийскими зарядами и шанцевым инструментом. Тащили на передках орудия. И ехали они все же в сторону его дома, и каждый метр пути делал расстояние между их колонной и Подлесным все меньше и меньше. Они

ехали на войну, и с каждой минутой дорога до войны становилась короче.

Как быстро мы продвигаемся, с тоской и каким-то необычным возбуждением, какое он испытывал перед дракой, подумал Воронцов. Как быстро... Что там с мамой и сестрами? Успели ль они уйти? У деда больные ноги. Израненные, побитые осколками еще в Первую мировую, в Галиции. Может, и ушли. Хотя бы куда-нибудь в лес, где можно схорониться на время. Ведь прятались же люди в лесах от набегов половцев, монголов и поляков. Уходили в лес от французов. Лес спасал, давал кров и пропитание. Может, все же ушли. И увели с собою скот, корову Лысеню и овец. А мы эту ненавистную немчуру скоро отсюда выкинем. И будем гнать штыками до самой границы. И Воронцов нащупал рукоятку штык-ножа, висевшего на поясе, и крепко сжал ее, так что рука вспотела.

Колонна въехала в большое село. Воронцов успел ухватить взглядом дорожный указатель: «Ильинское». Потом разглядел часового на мосту и красноармейцев, копошившихся возле каких-то сооружений. Бойцы что-то копали. Видимо, окопы, решил он. Что сейчас могут копать бойцы?

— Сань, ну что там видно? — толкнул его в бок курсант Алёхин, все это время молча дремавший рядом.

— Какое-то Ильинское проезжаем. Большое село. Окопы копают.

— Окопы? Зачем тут окопы?

— Теперь их копают везде. Давай лучше поспим, — сказал Воронцов и опустил край брезента.

Небо сразу исчезло, пространство сузилось, и ближе, роднее стали товарищи, и Воронцов понял, что он сейчас часть их, сидевших ровными рядами по шесть человек и, быть может, думавших о том же, — часть этой колонны, часть 6-й роты, часть своей винтовки и того приказа, который днем был зачитан на плацу перед строем. Он был живой и, как ему казалось, бессмертной частью всего того, что сейчас двигалось в сторону

войны. И только потом, во вторую очередь, он ощущал себя частью Подлесного, своей семьи, носившей фамилию Воронцовых, и всего того, что звалось родиной.

— Уснешь тут, — буркнул Алёхин и вздохнул.

Всем было не по себе. Сегодня, когда после обеда их роту в полном составе выстроили на плацу и командир второго батальона майор Романов, исполняющий обязанности начальника училища, зачитал приказ срочно выдвинуться в район боевых действий, в первые минуты курсантов охватил какой-то жуткий восторг, как если бы им вдруг объявили, что отмененная накануне шефская встреча со студентками педучилища состоится уже сегодня вечером и необходимо только подшить свежие подворотнички и надрать поярче сапоги. Наконец-то! Они идут на передовую! На фронт! Бить врага! Уж они-то — не батальоны, наспех сформированные из профессуры, студентов и артистов московских театров, из печатников и бухгалтеров, никогда не державших в руках оружия и брошенных в бой необученными, с тремя старыми винтовками и обоймой патронов на отделение. Уж они-то дадут фашистам! Уж они-то им покажут, как по чужим землям ходить да на чужое добро зариться! Как разорять колхозы и жечь в полях хлеб! Как убивать ни в чем не повинных людей, детей и стариков! Воронцов вспомнил слова политрука Киселёва. Политрук говорил правду: фашисты не люди и их надо уничтожать, как бешеных собак.

Воронцов пододвинул ногой приклад своей новенькой «СВТ», от тряски винтовка все время сползала вперед, зажал ее между колен и прикрыл отяжелевшие веки. Как и все курсанты, умевшие мгновенно превращать минуты отдыха в сон, он тут же почувствовал, как тело его сразу расслабилось, его окутало теплой уютной истомой, а перед глазами поплыли, то ускоряя свой бег, то замедляя, уже иные, чем мгновение назад, картинки: пригорок на краю деревни, стежка за околицу, по стежке идет с ведром грибов, розовых волнушек и белых груздей, их ротный старшина... Ведро тоже знакомое, старенькая материна доенка с немного погнутыми

ушками. Что ж тут, в его родном селе, делает старшина? Воронцов догнал его, старшина повернулся и голосом отца спросил: «Что, Санька, страшно?» И тут подошел другой, тоже в шинели. «Иван! — закричал Воронцов. — Иван, ты дома? Почему ты дома, а не на фронте?!» Иван ничего не отвечал, он смотрел на Воронцова злобными глазами и вдруг схватил его за грудки и начал яростно трясти, что-то злобно бормоча.

— Ты что, Сань?

Чей это голос? Откуда он зовет?

Воронцов с трудом разлепил глаза. Ему вдруг показалось, что он падает куда-то под колеса и что кто-то, подпихивая его туда, пытается вырвать из рук винтовку. «Иван! Держись, братка!» — закричал он или, наверное, только хотел закричать.

— Ты что, сержант?! Смотри, перепугал всех! Черт!

Воронцова толкнули в спину и в бок, так что он спронеся едва не потерял равновесие и резко шатнулся в сторону, подхватывая падающую винтовку.

— Оставь его. Видать, приснилось что-нибудь. Бывает...

Отделение сразу проснулось, будто и не спало.

— Я что, кричал? — спросил Воронцов, чувствуя, как горько першит в пересохшем горле.

— Черт тебя побери, сержант, ты всех перепугал!

— Еще до фронта не доехали, а уже частично обосрались.

— А нечего и спать, если на войну собрались!

Воронцову вдруг вспомнилось, что снился брат. Брат и отец. Двое.

И отец Воронцова, и старший брат Иван, отслуживший действительную три года назад в кавалерии на Дальнем Востоке, были призваны еще в августе и воевали где-то здесь, на смоленском направлении, недалеко от дома, то ли под Вязьмой, то ли под Рославлем. От Ивана он получил несколько писем. Писал Иван и об отце. С отцом они воевали в одном взводе. Судя по названию речек, которые Иван упоминал в своих письмах, их дивизия какое-то время держала оборону где-то

левее Варшавского шоссе. Места те тоже уже под немцем. Значит, не удержали братка с отцом свои окопы, подумал Воронцов, и горло его снова перехватило. В одном из первых писем Иван сообщал, что в их роте почти все из Подлесного, Вязовни, Ключика и соседних деревень, что все воюют хорошо и что двоих уже ранило. Среди раненых кузнец дядя Павлик и колхозный счетовод Петр Иванович. Дядю Павлика ранило не особо сильно, а Петру Ивановичу оторвало ногу. И еще Иван писал, что полк их часто перебрасывают с места на место. «Только окопаемся, обживемся, пригреемся, соломы натаскаем, опять приказ — менять позицию, занимать оборону там-то...» Некоторые места из писем брата Воронцов помнил наизусть. От треуголок брата пахло войной. Однако многое в письмах было непонятно, не соответствовало его представлениям о войне, о противнике, о силе Красной армии, а многое просто противоречило тому, чему их так тщательно обучали и что внушали как неперемное их командиры, преподаватели и политработники. Мужики-то в Подлесном, Ключиках и Вязовне все бывалые, сокрушал себя Воронцов невеселыми думами, что ж они все отступают да отступают? И танков, и артиллерии в августе еще вон сколько к Рославлю ушло. Колонны день и ночь гудели, дорог не хватало. Какая ж сила там встала! И Санька Воронцов думал, что, отучившись в пехотном училище и получив лейтенантские кубари, он попадет именно туда, быть может, к своим же землякам, на Десну или Верхнюю Угру. Если, конечно, немца к тому времени не прогонят за Смоленск. А теперь вдруг выяснилось, что и Западный, и Резервный фронты прорваны, вся военная мощь Красной армии смята и опрокинута, наши дивизии бьются в окружении, а немецкие танки и мотоциклисты уже в Юхнове... И неизвестно, что с братом и отцом.

Тяжелый подсумок, плотно набитый обоймами с патронами, давил на живот. Воронцов хотел его поправить, сдвинуть немного правее, чтобы не мешал дышать, но сил не хватало, сон снова брал его в плен, вязал руки